

Галина Пархомчук (Алефиренко)



Специальность: физика элементарных частиц. На практике была вместе с Бабариной (Соболевой) Людой и Ремезовой (Головченко) Ирой в ИЯФе. Оттуда попали вместе на работу в ИПФ, в разные отделы. В Институте Прикладной Физики работала 8 лет; родились двое детей.

Затем перешла в ИТПМ, в лабораторию Желтухина Н.А. У него очень интересная биография. Как он с юмором рассказывал, ни одного учебного заведения не заканчивал: после 8-ми классов учился в училище, не закончив, поступил в Воронежский университет, откуда с 3-го курса за своеволие был отправлен на лесоповал... Безо всякой надежды на имя Королёва С.П. написал письмо с предложениями как запустить спутник (увлекался Циолковским). Но его вызвали и отправили в Москву, оттуда... Короче, работал в Казани в КБ тюремного типа под руководством Глушко В.П. Говорил, что руководил группой девушек, которые на арифмометрах делали расчёты. Реабилитирован, но был невыездным. Хорошо помню, что он с какой-то грустью вспоминал, что тогда они (те, кто работали вместе) любили друг друга. А теперь не то... У них с женой Мариной был сын Алексей, но жена ушла к историку. Тем не менее, Н.А. всегда говорил о ней: моя Марина. И жил один... В 4-х-комнатном книжном шкафе, как он выражался. В квартире, действительно, кроме журналов и книг почти ничего не было. Иногда он мне говорил: давайте дружить. Я отвечала: давайте! Приглашал иногда на спектакли Московских театров в ДУ или в Оперный. (Моя мама очень удивлялась, что Василий спокойно к этому относился... Эти мужчины — благороднейшие великодушные личности... Ну, ладно, не буду продолжать: это не к месту. Вспомнилось, разволновалась... «Как молоды мы были, как искренне любили...»)

Работала в ИЯФ, в филиале ИЯФ, в Протвино, снова — в ИЯФ. (Из Протвино чуть не переехали в Дубну, уже были оформлены документы.)

Сейчас на пенсии, не работаю. Когда внучка пошла в 1-ый класс, а внук — в садик — одновременно, стало ясно, что судьба призвала меня стать бабушкой. О чём совсем не жалею, поскольку люблю своих внуков. Их у нас 6.

У сына и у дочери по трое детей. Но сын далеко. Его дети растут без нашего участия, о чём думаю с горечью. Старшие уже говорят не совсем по-русски. Семья дочери — рядом и в этом наше счастье. И их тоже. Дед просто обожает внуков, ничего не жалея для них.

Однокурсники... К сожалению, я не была с вами в колхозе, в походах. Учиться мне было трудно (не моё это дело — физика...) Но чем дальше, тем с большей нежностью и умилением я отношусь к нашим встречам - возвращением в юность. (Почему-то хочется плакать... Ах, эта Лупова!)

Пожелания... Конечно, ЖИТЬ! Быть здоровыми

Для этого вам, таким умным, необходимо быть благоразумными.

НО недостаточно!

О ПРЕКРАСНОМ И СТРАШНОМ

Любовь... Что она такое? Что это — у ребенка?... Взрослого человека?... Мне под 70, а до сих пор время от времени снится, что меня выдают замуж за кого-то и заперли в комнате, а я страстно хочу только к моему Васюше, выпрыгиваю в окно и быстро-быстро, задыхаясь, бегу... Просыпаюсь – слава Богу! Сон!

Весна, тепло, на носу сессия! (Третий курс физфака). Мы с Наденькой идем... с моря. Идем медленно, чему-то улыбаемся. Хорошо! Вдруг в груди у меня что-то защемило, заволновалось, вспомнилось и, неожиданно для себя самой, я выпалила: «Полетели в Киев! Так хочется ЕГО увидеть! Только увидеть...» (Он – моя любовь с 6-го класса). А Надя в ответ спокойно так: «Полетели». Ну, я – ладно – влюбленная, потому и авантюристка, а Наденька? (Мы с ней никогда самолета в глаза не видели до этого.) Мы расхохотались и побежали в общагу занимать деньги – по 60 рублей. По студенческому – туда и обратно. Насчет денег на еду между полетами как-то не сообразили. – Какая мелочь!

Сидим в самолете – все удивительное, интересное. Удивительнее всего – двумя рядами дальше сидят... наши преподаватели – Зелевинский и Беляев Спартак Тимофеевич.

Он к тому же и ректор. (Недавно ЕМУ исполнилось 90 лет!) Нам стало еще веселее: они-то в командировку, а мы..., а сессия...? На всякий случай пригнулись: скоро мне сдавать зачет Зелевинскому. Пришла мысль: если спросит ОН, зачем – куда, – в командировку университет нас послал – в Киевский университет опытом обмениваться, например. И снова весело! Хохоочем.

А от Москвы до Киева летели в кабине с пилотами (тогда не было таких строгостей)!

Молодые симпатичные ребята показывали нам огромное количество непонятных приборов, небо. Мы восторгались и приборами, и ребятами. Но перед посадкой попросили выйти.

Прилетели затемно. Надо где-то переночевать. Поехали на вокзал. Жутко захотелось кушать. Зашли в ресторан, сели за столик. Оказалось, что денег – только на чай без сахара.

На столе тогда стояла тарелка с хлебом – бесплатным. А тут видим еще и булочки. Говорю Наденьке: «Давай съедим эти булочки!» Вместо нее ответил голос за спиной: «Это наши булочки, мы заказали». Опять нам смешно и слегка неудобно.

До утра спали сидя на лавках. Утром узнали адрес этого Института инженеров гражданской авиации и – вперед! (Киев – красавец! Город в саду! Крещатик!...)

Нашли. А там – охрана! Кто, зачем, к кому. Ваши пропуска? Ну, выдали нам пропуска. Заодно сказали, в какой группе числится наш Он. Зашли. Стоим у расписания. Вокруг – никого. Тут подходит один двоечник (думаю) и тоже – в расписание. Спрашиваю: «А Вы Его, случайно, не знаете?» – «Знаю, сейчас позову, у нас нет пары».

И тут со мной случился, наверно, называется, припадок: колени и руки задрожали, во рту стало сухо, голос охрип. Стою на согнутых ногах, не шелохнусь: Боже, зачем я приехала?! Что теперь будет?! (Тут я вспомнила Татьяну с ее письмом) Кто-то сзади за сумочку дернул... Оглядываюсь — Он. «Ты?! Каким ветром?» «Беззаботным» голосом, кривым ртом бормочу: «В командировку в ваш университет от нашего».

«У меня есть 20 минут, потом – военка две пары. А то бы сорвался, показал бы вам город».

Точка! Душа моя кричала: а вечером?! А, может, завтра?!

Сели в кресла в холле. Наденька деликатно отошла к окну. Разговор ни о чем... 20 ми-

нут, ради которых мы прилетели сюда. Ушел. («Ушел, и сразу мгла на сердце мне легла» – любила я песни...)

– Поехали в аэропорт.

– Поехали... – Моя все понимающая молчаливая подруга!

Едем на автобусе по мосту через Днепр. Я рыдаю, даже не сдерживаясь, в голос: жизнь моя кончена! В окно вижу спокойную гладь воды. Она прямо манит меня! Туда – и никакой боли! Теперь я понимаю тот самый «луч в темном царстве»!

В аэропорту ведь снова кушать хочется! Даже боль от несчастной любви притупилась. А до рейса несколько часов. Сели за столик в ресторане (тогда не было разных перекусочных). Подсаживается парень и заказывает сметану и пиво. Я вожделенно думаю: сметану, наверно, для нас... Тут он вливает в стакан со сметаной пиво! Мы громко удивляемся. А он – «Хотите попробовать? – Вкусно!» Я – то: «Конечно!» Но Наденька – она гордая. Моя же гордость, оказывается, кончается там, где начинается голод. (А я думала, что я – кремь!) Надя осталась голодной, а мой желудок не только не расстроился, но, наоборот, перестал урчать недовольно.

А дальше случилось чудо!

Хорошо помню: самолет набирает высоту, а у меня легчает в душе. Даже удивительно стало! Физически это чувствую. Приземлились, выходим на Родную Землю – я свободна!

Столько лет!... Прощай, детство! «Это милое детство прощается с тобой...» – помните: Майя Кристаллинская чудно так пела... И – здравствуй, сессия – самая трудная на физфаке!

Ирина Одоевцева в своей книге «На берегах Сены» вспоминает: «Бунин всегда говорил: «если писать, то писать надо о прекрасном или о страшном»». Разве у меня не так получилось? – Любовь и Дружба – Днепр и сессия! Сразу – и о том и о другом.

Впереди был 4-ый курс – неожиданно более легкий в отношении учебы. Зато с другой историей, оказавшейся судьбоносной. Для двоих.



18.11.2013 г.